

ПЕРСОНА

— Вы не очень баловали зрителя, который вас очень любит, своими ролями в кино. После известного, эпического кинофильма "Сказание о земле Сибирской" был огромный перерыв.

— Да, в общем-то да, я мало снималась. У меня всего картин 18.

— Вроде бы это немало?

— Но там роли не очень значительные, и я, наверное, в них не очень была интересна, поэтому запомнились только две картины: "Сказание о земле Сибирской" и экранизация "Свадьбы с приданым".

— Бывает такое, что вы пересматриваете эти ленты дома?

— Да нет, но иногда, когда идет по телевидению, то смотрю. "Свадьба с приданым" мне почему-то очень понравилась. Раньше я, когда смотрела, то думала, что это все очень наивно, как-то так даже, может быть, и примитивно, понимаете? А тут посмотрела: какие все милые, чистые. Хорошие партнеры, хорошее время. Это для меня положительные эмоции.

— Сейчас таких взаимоотношений уже нет между актерами?

— Сейчас все актеры, если они как-то востребованы, прибегают в театр на репетицию, выполняют то, что им нужно и убегают. А раньше мы очень много гастролировали, и совместная поездка в поезде в купе — долгие разговоры, долгие застолья... Жили в одной гостинице, вместе ходили купаться... Это очень сближало. Я тоскую о том времени. Много у нас в театре молодежи, а я даже не знаю, какие они. На сцене-то я их вижу и вижу, кто способный, но многого уже не могу уловить. Если я с ними не репетирую, то только здороваюсь и все.

— Последнее время у вас ролей в театре достаточно. А как вам играется в вашем возрасте?

— Мне стыдно говорить, но я его (возраст) не чувствую, понимаю-те? Да, я не чувствую возраста, и в этом, наверное, ошибка всех актрис: мы вечно думаем, что все можем. Но с режиссером, который верит в меня, я от чувства благодарности, мне кажется, готова на все.

"Хотела два кусочка — ем половинку..."

— Вы не выглядите на свой возраст...

— Когда как.

— Сегодня точно нет.

— Ну спасибо. Хотя у меня никогда не было специальной задачи беречь себя... Отдыхать я люблю только летом, потому что люблю лес, поляны. А так вообще специально отдыхать я не умею и даже мучаюсь очень.

— Вера Кузьминична, я думаю, что вы та самая дама, на которую всегда интересно смотреть. Вы очень привлекательная. Что вы делаете, чтобы хорошо выглядеть?

— Просто, знаете, стыдно отвечать. Я ничего не делаю. Когда я очень поправляюсь, я вспоминаю о том, что должна выйти на сцену и влезть в свои платья, и поэтому перестаю есть. Ну, как перестаю. Хотела бы, допустим, два кусочка хлеба, а съем полкусочка. Но голодной я не умею быть, к сожалению. Я вообще не очень волевой человек. А с лицом — ну, после умывания крем кладу, потому что очень сухая кожа, и на ночь. Вот мои секреты.

— Даже молодые актрисы теперь делают пластические операции. Вы никогда этим не занимались?

— Нет, но я не осуждаю тех людей, которые делают операции. Особенно если это актриса и ей лет 45—50. Не больше. Можно сделать операцию, чтобы быть такой же, как, допустим, в 30. Но в моем возрасте это бессмысленно.

— Почему вы считаете, что именно актрисам трудно стареть?

— Представьте себе, что у женщины есть один любимый человек, который должен еще как-то продолжать ее любить в преклонном возрасте. А тут актриса, которая выходила в зал на тысячу человек. Зрители смотрят и говорят:

Вера Кузьминична Васильева служит в Театре сатиры с 48-го года. Фильм "Сказание о земле Сибирской" сделал ее знаменитой на всю жизнь. Она почти тридцать пять лет прожила на Арбате, была депутатом Моссовета. Ее уважают за уникальную уравновешенность, она никогда не повышает голос. Одна из самых красивых женщин уходящего века — так про нее говорили в прошлом столетии. Она получала в награду и Сталинскую премию, и орден от Путина. В этом театральном сезоне у актрисы сразу два радостных события. По-настоящему большая роль и небольшой, но симпатичный эпизод. Самое трудное для артиста — стареть, утверждает она.

Сцена из спектакля "Таланты и поклонники".

как меня пригласили. А обожала только Малый и МХАТ. Ну, еще иногда смотрела Бабанову, потому что очень ее любила. А в театр меня пригласили по окончании "Сказания о земле Сибирской". Там ставили спектакль "Лев Гурыч Синичкин", и нужна была молоденькая, наивная артистка. Примою театра в те времена была Тамара Беляева. Но она была очень грузная, крепкая и на роль Лизочки Синичкиной не годилась. Нужна была такая ужасно наивненькая, во все верящая девчушка с чистым голоском. Вот они меня посмотрели в этом фильме и пригласили. Меня приняли, таким образом, сразу на главную роль. Я просто не могла отказаться.

— Предложение было очень заманчивое.

— Конечно, конечно. И в общем-то я не жалею, потому что, если б меня, допустим, не пригласили, то распределили в любой маленький город, и я безропотно бы поехала. И кто знает, какая судьба меня бы тогда ждала.

— О Малом, о других театрах вы на тот момент даже и не мечтали?

— В тот момент, конечно, нет. Во-первых, у меня рожница была смешная. Мои мечты о какой-нибудь Ларисе показались бы всем наивными и претенциозными. Кругленькое личико, улыбочка, вся как пятачок, как булочка.

— Трагизма не было в облике?

— Не было. Но судьба сжалилась надо мной. Потому что в последнее десятилетие мне все же удалось сыграть в других театрах, получить удовлетворение.

"За себя просила только раз"

— Вы очень благородная женщина. Стараетесь быть доброй христианкой. Откуда такая смиренность?

— Может быть, от родителей. У меня папа был очень добрый человек, очень кроткий, скромный настолько... Даже вообще не помню, чтобы он когда-нибудь крикнул. Однажды он пришел домой и маме сказал: "Ох, как я сегодня выдал нашему начальнику!" А он был шофером. Мама говорит: "Ну и что? Что ты сказал?" (Она у меня была сильная женщина.) Он говорит: "Я ему сказал: "Нехорошо, товарищ начальник". Вот вся резкость, на которую он был способен. В этом смысле я похожа немножечко на папу, но и на маму тоже, потому что она была, как та кошка, которая гуляла сама по себе. Очень самостоятельная женщина. Жизнь у нее была скромная, но она ощущала себя всегда очень гордо, независимо от обстоятельств. И мне кажется, что иногда, когда у меня бывает все плохо, а внутри я не чувствую себя ущербной, это от мамы.

— Что для вас "плохо"?

— Во-первых, плохо, когда болеют близкие люди. Это очень страшно. Плохо, когда нет работы в театре и нет работы вне театра. Это тоже очень страшно, потому что трудно найти себе применение. То есть вдруг все обрывается, как в "Обрыве". И тогда непонятно, как и чем жить. У меня ведь нет детей. Если бы были дети, внуки, я бы думала о них. Есть муж, и он тоже работает в театре. Значит, он тоже переживает, когда ничего нет. Мы утыкаемся в это, понимаете?

— Почему вы согласились быть депутатом Моссовета, в каком году это было?

— Это было очень давно, лет сорок тому назад. К актерам ведь всегда очень хорошо относятся, и мое депутатство заключалось в том, что я приходила к чиновникам и просила за всех страждущих. В общем, кроме как благотворительную, я свою роль в этом деле не понимала.

— За себя когда-нибудь просили?

— Один раз. Под большим напором моего мужа я попросила, чтобы мне дали квартиру чуть попросторнее, что ли. Но меня, что называется, отфутолили. То есть начальство дало указание, но когда я приходила к людям рангом пониже, они говорили: сегодня не могу принять. Потом еще раз пришла — на моих глазах опять он ушел и говорит: "Мне некогда". И я себе сказала: "Больше ходить не буду". Потому что уж очень противно.

— Зачем же вам голову морочили?

— Я так думаю, что начальники пишут одними чернилами, кому обязательно помочь, а другими — кому "помочь, но можно не помогать". Уж больно там хитро все устроено. Вроде мне шли навстречу — только ничего не делалось.

— Тем не менее вы живете на Арбате тридцать лет. Вы любите эту улицу?

— А вы знаете, я же переехала. Я вступила в ак-

терский кооператив. И с Нового Арбата переехала на Старый. Жила до этого в этой огромной "книжке"-доме. Я вообще везде живу с удовольствием: и в общежитии с моим мужем жила с удовольствием. Комната была метров шесть, и я ее вспоминаю с нежностью. И свою первую комнату помню на улице Горького — сейчас там роскошное совершенно здание. А раньше крыша протекала. У меня стояли два ведра, и все время капала вода, но я считала, что лучше этой комнаты ничего на свете быть не может. В общем, я очень покладистый в этом смысле человек.

"Безумно седые волосы во все стороны"

— Чем бы душа сейчас хотела заниматься?

— Я бы хотела репетировать с замечательным режиссером какую-нибудь замечательную роль.

— Много в вашей жизни было замечательных режиссеров?

— Много! Пырьев по "Сказанию о земле Сибирской" — замечательный режиссер; Борис Иванович Ровенский по "Свадьбе с приданым" — мало сказать, замечательный. Потрясающий режиссер и вообще удивительная личность, о которой никогда в жизни забыть нельзя.

Эраст Павлович Гарин, с которым я репетировала... Это сказочный совершенно и артист, и человек. Он приносил нам завтраки на репетицию, а однажды, перед репетицией спектакля "Тень" по Шварцу, он принес ландыши и сказал: "Сегодня будем репетировать монолог, и вы должны быть настроены, как запах этих ландышей". Вы понимаете, какая это прелесть!.. Много хороших.

— Какие роли приносили страдание?

— Я репетировала одну пьесу в Сатире, которая могла бы стать очень интересной. Но когда мы ее показали, всем почему-то безумно не понравилось. И я отказалась от роли и целый год об этом безумно жалела — и до сих пор жалею, не уверена, что я правильно поступила. У меня был там очень интересный вид. Очень! Вы знаете, вот такие безумно седые волосы во все стороны и только чуть-чуть какие-то пряди подкрашенные. Бледное-бледное лицо и впалые глаза — такая немножечко графиня из "Пиковой дамы"...

— Вы просто преобразились, когда вспомнили про эту роль, я вас такой и увидела.

— Знаю, что могла бы ее сыграть, но не хватило какого-то "чуть-чуть". Может быть, этот спектакль не должен был идти в нашем театре. Он немножечко тяжеловесный и философичный. А зрители нашего театра любят, чтобы было весело, чтобы было остроумно, чуть-чуть эстрадно.

— Помните такого уникального актера — Егора Бароновица Тусузова, он играл и веселил всех на сцене Сатиры чуть ли не в 90 лет?

— Да, очень мы его любили. Когда его спрашивали, что ему помогло до девяноста лет дожить, он говорил: "Во-первых, я не был женат. Во-вторых, я никогда не ел дома, а всегда ел в столовых, и в дешевых. Не люблю, не курю. Видите, так вот прожил жизнь". И как раз моя первая роль была в спектакле, где он играл суфлера, такую старую театральную крысу. Я его даже и сейчас вижу.

— Вера Кузьминична, а каким вы видите свое будущее?

— Ой, вы знаете, стараюсь не думать.

— Вы сердитесь на нынешние времена?

— Я печалюсь. Россия больна, и больна духовно.

"Я жду времени, когда появятся совестливые люди"

С НАДЕЖДОЙ

"Ой, какой ужас! Мы так ее любили, а она какая стала!" Понимаете? Вот от одного этого сознания все время расстраиваешься. И душа стареет после всего, хотя, по-моему, душа у человека вообще не стареет, понимаете? Для актрисы это трудно.

"Я была вся как булочка"

— Вы в Театре сатиры с 48-го года. Считаете, что нашли тот самый свой театр?

— Нет. Конечно, это не совсем мой театр. Мне кажется, я драматическая актриса, и я, слава тебе господи, в последнее десятилетие имела возможность в этом убедиться. Но мне нельзя жаловаться на судьбу. Все-таки в своем театре первые десятилетия я играла то, что мне подходит. И, кроме того, я люблю свой театр просто из-за людей, из-за того, что они прекрасные актеры.

— Как получилось так, что вы пришли именно в Театр сатиры?

— Ой, не по моей воле. Я в своем Театре сатиры по молодости ни разу не была до того момента,

С Александром Ширвиндтом.

С мужем Владимиром Ушаковым на торжестве.

Думаю, что как только мы начнем выздоравливать, правда, не знаю, какой силой нас можно возродить, — мы снова дадим миру какие-то такие одухотворенные произведения искусства. Вы понимаете, не самое страшное, что некоторые плохо живут. Worse — отчаяние, которое охватывает людей от безверия.

— Говорят, что раньше хуже жили...

— Да, жили плохо. Мы пережили войну, и было голодно, но не было страшно, потому что война была справедливая. Это чувство справедливости нам давало уверенность, что дальше все будет хорошо. Сейчас, мне кажется, молодое поколение — оно более прагматично, и оно очень верит в будущее, но через прагматизм. А для нашей страны обязательно кроме этого необходима еще какая-то одухотворенная вера. И я жду того времени, когда появятся какие-то совестливые гениальные люди, которые, может быть, принесут нам что-то такое, во что мы поверим, и тогда будет все нормально, потому что все-таки мы очень талантливы.

"Люблю Неелову и Хаматову"

— Ваша первая награда — Сталинская премия. Ее вручал лично Сталин?

— Нет. Я сейчас не помню, но только не Сталин, нет. Наверное, министр культуры. Я вид ее помню, и еще там иногда писали: "Самый молодой лауреат Сталинской премии". Это я помню. Радость родителей помню...

— Мама сильно радовалась?

— Она просто сказала: "Очень хорошо, Верочка, что тебе дали премию". Вот и все. Больше я ничего от нее не услышала. Она не восторженная у меня была, мама. Удивительная женщина. Горячо принимала новые веяния, революционные идеи. Целыми днями пропадала на работе, какие-то собрания вела. И когда папа говорил: "Шурк, ребята-то ведь есть хотят". — "Певать. Сами поедят". Вот такая, понимаете?.. Она стала радоваться моим успехам, когда была уже очень старенькой. А я их расписывала специально для того, чтобы у нее были положительные эмоции.

Часто приходила и говорила: "Мама, так прошел спектакль! Так меня принимали!.."

— Как вы относитесь к добрым отношениям актеров и власти, к этому своеобразному заигрыванию?

— Сейчас мы очень обеспокоены и встревожены недостатком вниманием к культуре.

— Но вы, как я поняла, старались держаться подальше от власти?

— Да. Но я никогда ничего плохого не делаю и как-то плохо о ней никогда не говорю, потому что, вы знаете, критиковать все очень легко.

— А вы сами внимательны к культуре, ходите в театры?

— Я очень люблю театр как зритель. Я люблю массу актеров, хожу всегда в театр, если меня интересует именно какая-то актриса или какой-то актер, и получаю часто большое удовольствие. Я люблю Неелову, и Брагарник, и Чулпан Хаматову — правильно, да? Такая трудная фамилия. Она прелестная, очаровательная совершенно. Люблю Светочку Немоляеву, Юлю Борисову. К женщинам я более внимательная, чем к мужчинам. Хотя своих партнеров Олега Вавилова и Антона Кукушкина по спектаклю "Ждать" (режиссер Юрий Васильев по пьесе Валентины Аслановой), я очень люблю.

— Вы счастливый человек?

— Да, счастливый. Потому что очень много хорошего в жизни видела. Естественно, не сплошное счастье в жизни. Конечно, есть миллион горестей, но я благодарю судьбу. Я даже книгу написала "Продолжение души", потому что я свою профессию считаю продолжением души.

— Сейчас очень модно в воспоминаниях рассказывать о людях не только хорошее.

— Да. Но я не могу обрадовать тех, кто хочет в моей книге прочесть про "соленое", "перченое". Хотя книга — не только о счастье. Она и о горе. Но дело в том, что я не злюсь, понимаю? Я начала писать книгу тогда, когда мне было очень одиноко, когда я не имела новых ролей в своем театре и не имела никакой работы вне театра. Я почувствовала свою ненужность и одиночество и даже приближение старости. Но вдруг последующее десятилетие дало мне такие роли, о которых я всегда мечтала. И мне захотелось поделиться с читателями тем ощущением, что не так все в жизни страшно. Может быть, это все очень наивно звучит, но даже в тот момент, когда думаешь, что все конечно, жизнь может повернуться совершенно по-новому. Только надо быть к этому готовой и не закрыться от жизни, понимаете?

Элина НИКОЛАЕВА.